

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи

А.Н. Мещеряков

Аннотация. В период Мэйдзи население Японии возросло с 33 млн человек до 53 млн 362 тыс. человек. Причины такого быстрого роста остаются не вполне ясными. Обычно упоминают о развитии медицины и улучшении гигиенических навыков населения, об экономическом развитии и повышении уровня жизни, об уходящей в прошлое практике инфантицида. Однако эти объяснения представляются недостаточными. В данной статье мы пытаемся более детально разобраться, чем конкретно был обусловлен демографический взрыв периода Мэйдзи. Мы предполагаем, что основным фактором увеличения населения стал рост коэффициента брачности, на что раньше не обращалось должного внимания.

Демографическая теория считает, что между традиционным типом воспроизводства (высокая рождаемость и высокая смертность) и современным (низкая рождаемость и низкая смертность) существует промежуточный этап. Он характеризуется уменьшением смертности, при которой рождаемость остается какое-то время высокой. Это и приводит к ускорению прироста населения. Однако японский исторический опыт свидетельствует, что эта теория, разработанная прежде всего на европейском материале, оказывается применима к Японии лишь с существенными оговорками: значимый рост населения начинается во вторую половину периода Мэйдзи в условиях, когда уровень смертности ещё не падает. Он начинает опускаться только со второй половины 1920-х годов, то есть рост рождаемости **предшествовал** уменьшению смертности. Только после этого мы наблюдаем синхронное понижение как смертности, так и рождаемости. Таким образом, в течение полувека японская практика «игнорировала» западную теорию.

Ключевые слова: Япония, период Мэйдзи, причины демографического взрыва, коэффициент брачности.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20) (адрес: Россия, Москва, 105066, Старая Басманная ул.21/4). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 1. С. 80–100. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Demographic explosion in Meiji Japan

A.N. Meshcheryakov

Abstract. During the Meiji period, the population of Japan increased from 33 million to 53 million 362 thousand people. The reasons for this rapid growth remain unclear. Usually, scholars mention the development of medicine and the improvement of the hygienic skills of the population, economic development, an increase in the standard of living, the reduction of infanticide. However, these explanations appear to be insufficient. In this article, I am trying to understand in more detail what exactly caused the population explosion of the Meiji period. I conclude that the main factor contributing to the increase of the population was the growth of the marriage rate, which was not paid due attention to before.

The demographic theory believes that there is an intermediate stage between the traditional type of reproduction (high fertility and high mortality) and the modern (low fertility and low mortality). It is characterized by a decrease in mortality, while the birth rate remains high for some time. This leads to an increase of population and accelerates population growth. However, the Japanese historical experience shows that this theory, developed primarily on European sources, turns out to be applicable to Japan only with significant reservations: significant population growth begins in the second half of the Meiji period in conditions when the mortality rate has not yet dropped. It begins to decline only in the second half of the 1920s. That means that the increase in the birth rate **preceded** the decrease in mortality. Only after that do we observe a synchronous decrease in both mortality and fertility. Thus, for half a century, Japanese realities "ignored" Western theory.

Keywords: Japan, Meiji period, reasons for the population explosion, marriage rate.

Author: Meshcheryakov Alexander N., Dr. of Letters, Chief Researcher & Professor, Institute for Oriental and Classic Studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov A.N. (2021). Demograficheskiy vzryv v Yaponii perioda Meydzi [Demographic explosion in Meiji Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 80–100. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

В период Мэйдзи (1868–1912) Япония вступила на путь модернизации (вестернизации). Стремительные изменения коснулись всех сторон жизни, и демографическая ситуация не оказалась исключением. Историко-культурным трансформациям этого времени посвящено огромное количество исследований. Однако демографические процессы периода Мэйдзи изучены недостаточно. Привыкшие к точности до второго десятичного знака, «классические» демографы полагают, что только после 1920 г. – первой переписи, проведенной в соответствии с современными стандартами, – мы обладаем надежной информацией, и потому зачастую воздерживаются от изучения демографических процессов периода Мэйдзи, обречённо характеризуя усилия в этой области как «предположения» [Ольшлегер, 2008, с. 26]. Если же не воздерживаются, то тогда в фокусе часто оказываются недочёты мэйдзийской статистики, которые не позволяют выявить реальную ситуацию. Что касается «чистых» исторических

демографов, то мощная научная школа, основанная Хаями Акира, занималась и занимается по преимуществу периодом Токугава.

Однако признание сложности проблемы не избавляет историка от необходимости попытаться хоть как-то прояснить её. Применительно к периоду Мэйдзи – это, прежде всего, необходимость объяснения, по каким причинам после долгой стагнации (демографического равновесия) в период Токугава, население вдруг «очнулось» и стало демонстрировать быстрые темпы роста: за четыре десятилетия оно возросло с 33 млн человек (1872 г.) до 53 млн 362 тыс. человек (1913 г.). Такой рост принято квалифицировать как «демографический взрыв». Однако причины этого явления остаются не вполне ясными. Обычно упоминают о развитии медицины и улучшении гигиенических навыков населения, об экономическом развитии и повышении уровня жизни, об уходящей в прошлое практике инфантицида. Однако эти объяснения представляются нам недостаточными. В данной статье мы попытаемся более детально разобраться, чем конкретно был обусловлен демографический взрыв периода Мэйдзи. Мы предполагаем, что основным фактором увеличения населения стал рост коэффициента брачности, на что раньше не обращалось должного внимания.

Демографическая ситуация в период Токугава

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению периода Мэйдзи, необходимо охарактеризовать, как складывалась демографическая ситуация в предшествующий период. В XVII – первой половине XIX в. она отличалась своеобразной «чистотой»: страна была почти закрытой для въезда и совершенно закрытой для выезда. Поэтому все демографические процессы протекали в Японии автономно и независимо от внешнего мира, то есть миграции не сказывались на демографической ситуации. Кроме того, страна пребывала в мире, так что такой распространенный в мировой истории демографический фактор, как война, не оказывал влияния на динамику народонаселения.

Для XVII в. сохранились только фрагментарные данные по некоторым княжествам, и поэтому история народонаселения этого века восстанавливается только путем реконструкции, допускающей множество допущений. Наиболее распространенная и тиражируемая точка зрения, принадлежащая Хаями Акира, состоит в том, что в 1600 г. население насчитывало около 12 млн человек. Однако среди современных специалистов превалирует другая оценка: 15–17 млн [Фэррис, 2006, с. 264]. Несмотря на разницу в оценках, все исследователи сходятся на том, что XVII в. явился временем бурного демографического роста (по расчетам Хаями, 0,78 % в год), подкрепляемого активным освоением нови [Кито, 2000, с. 83].

Рост населения был обусловлен двумя главными обстоятельствами.

Вместе с основанием сёгуната Токугава междуусобным войнам был положен конец. Эти междуусобицы, обозначаемые как «период воюющих провинций» (сэнгоку дзидай), не приносили сколько-то существенных потерь на поле боя в масштабах страны – в крупных сражениях погибали сотни, значительно реже – тысячи человек [Фэррис, 2006, с. 192–196]. Однако военные действия в сильнейшей степени дезорганизовывали экономику, мобилизации отрывали крестьян от хозяйства (враждующие армии могли насчитывать несколько десятков

тысяч человек), создавали неуверенность в будущем, сужали горизонт планирования как для государства и общества, так и для каждого человека. Наступивший мир кардинально изменил ситуацию – разрушенное хозяйство стало восстанавливаться, создавая условия для роста населения.

Вторым важнейшим фактором роста населения стало существенное изменение структуры домохозяйства. Прежняя вотчинная система, основанная на сравнительно крупном частном землевладении (сёэн), уходит в прошлое. В рамках этой запутанной системы, имевшей множество локальных вариантов, вотчинник предоставлял право (зачастую через своих ленников) на земельный участок крестьянам взамен на барщину и рентные платежи. Согласно земельной переписи, инициированной Тоётоми Хидэёси в 1582 г., вотчины были окончательно упразднены. Это кардинальным образом сократило количество участников политического и военного процесса (например, крупные буддийские монастыри лишились былого влияния). Теперь фактическим собственником земельного надела становился глава крестьянского домохозяйства, расположенного в деревне на территории того или иного княжества. В качестве налоговой единицы выступала деревня, внутри которой сама община определяла налоговое бремя каждого двора (о податной системе при Токугава см. [Филиппов А.В., 2010]). Введение новой системы кардинально упрощало процедуру сбора налогов.

Реформа землепользования имела далеко идущие социальные последствия. В рамках прежней системы крестьянское домохозяйство составляли не только родственники, но и зависимые, холопы, батраки (рэйдзоку, наго, гэннин). Эти люди либо поздно вступали в брак, либо оставались бессемейными всю жизнь. С укоренением мелкого землепользования холопы сделались не нужны и даже обременительны в силу малых размеров предоставляемых участков. Эти люди стали выделяться в самостоятельные домохозяйства, что значительно увеличило количество браков и, следовательно, рождаемость. В связи с этим XVII век часто определяют как время «революции браков» [Кито, 2000, с. 89–90]. Разумеется, это был постепенный процесс, но несомненным фактом остается то, что к началу XVIII в. население Японии сильно выросло. Таким образом, реформа землепользования, имевшая политические и налоговые цели, привела к совершенно незапланированным демографическим последствиям.

Рост населения не был подкреплён достаточным ростом пищевого ресурса (освоение нови под полеводство было значительным, но урожайность риса почти не изменилась) [Фэррис, 2006, с. 263], так что к концу XVII в. во многих княжествах начали вводиться меры по ограничению роста населения: запрет на въезд мигрантов из других княжеств, запрет на дробление мелких земельных участков, сопровождавшийся запретом (ограничением) на браки младших сыновей [Фэррис, 2006, с. 84].

Важным демографическим фактором для периода Токугава является также стремительный рост городов. Каждому князю предписывалось иметь только одну резиденцию, в которой он содержал свой управленческий аппарат, состоявший из самураев. Ввиду необходимости предоставления продовольствия, товаров и услуг для этого непроизводительного слоя населения возникала соответствующая инфраструктура, получал некоторое развитие рыночный сектор экономики. Таких городов, которых получили название призамковых (дзёкамати), насчитывалось более двухсот. Их население составляло около 15 % от общепонского. Ввиду угрозы

землетрясений в городах не строили высоких зданий. Тем не менее, скученность была все равно велика. В условиях антисанитарии это приводило к распространению инфекционных заболеваний. Продолжительность жизни в городах была ниже, чем в деревне, коэффициент брачности – тоже ниже. Сами самураи, как правило, вступали в брак, поскольку отсутствие наследников мужского пола приводило, согласно закону, к ликвидации данной семьи. В то же время они не были заинтересованы в бесконтрольном размножении, поскольку получали фиксированный рисовый паек. Что касается сферы городских услуг, то тут трудилось много неженатых простолюдинов. Как и европейский средневековый город, город японский не мог обеспечить простого воспроизводства населения без притока сельского населения.

Для XVIII–XIX веков мы обладаем сравнительно точной демографической статистикой, поскольку в это время стали проводиться общенациональные переписи (переписи в отдельных княжествах осуществлялись и раньше). Первая общенациональная перепись проводилась в 1721 г. в рамках так называемых «реформ годов Кёхо». Время второй – 1726 г., и с этих пор переписи проводились каждые шесть лет. Всего было проведено 22 переписи. Первичные данные собирались в княжествах, затем они сводились воедино в документе под названием «Учёт населения во всех провинциях». В этом документе для каждой провинции регистрировалось общее количество жителей, а в некоторых переписях указывалось также количество мужчин и женщин. Данные за 1738, 1810 и 1816 г. являются неполными. История токугавских переписей заканчивается 1846 годом.

Объектом переписи являлись крестьяне и горожане (торговцы и ремесленники). Обследования самураев, аристократов (*кугэ*), париев (*хинин*, *эта*), айнов не проводилось. Самураев и аристократов – в силу их привилегированного положения, париев и айнов – в связи с их низким социальным статусом. И те, и другие не платили налогов. Малолетние дети тоже часто не регистрировались. Таким образом, результаты переписей занижают фактическое население.

Согласно переписи 1721 г., в Японии проживало 26 млн 50 тыс. человек, перепись 1846 г. даёт цифру в 26 млн 840 тыс. С учётом людей, которые не подлежали переписи (считается, что это приблизительно 20 % населения), получается, что население Японии в этот период колебалось в пределах 30–32 млн человек.

По европейским понятиям население Японии было чрезвычайно большим. В начале XVIII в. население другого островного государства – Англии, сопоставимой по территории с Японией (территория тогдашней Японии была несколько больше, но следует учитывать, что её значительная часть не подлежала хозяйственному использованию ввиду горного рельефа), составляло 5,5–6 млн человек. Лишь в 1881 г. оно достигло уровня в 31 млн человек. Причина заключается прежде всего в различных способах ведения хозяйства. В отличие от Англии, в Японии практически отсутствовало скотоводство, требующее больших площадей для пастбищ и приносящее намного меньше калорий на единицу площади. Урожайность основных сельскохозяйственных культур, поставляющих калории в рацион, различалась драматически. Таким образом, пищевой потенциал Японии значительно превосходил английский. Она решала свои демографические, пищевые и иные проблемы исключительно за счёт внутренних ресурсов, в то время как демографическая история Англии немыслима без эмиграции. Однако в результате

промышленной революции динамика населения Англии, точно так же, как и других европейских стран, имела устойчивый повышающий тренд, в Японии же в течение длительного времени наблюдался «застой».

Данные переписей дают общую картину динамики народонаселения, однако, за исключением гендерного состава, в них отсутствуют другие подробности. Существенным подспорьем в этой ситуации служат списки прихожан буддийских храмов (сюмон араатамэ тэ; в дальнейшем мы обозначаем их как «храмовые списки»). Европейские проповедники христианства были изгнаны из страны в начале XVII в., само христианство находилось под строжайшим запретом. В этих условиях каждый японец должен был продемонстрировать, что не является его адептом. В качестве доказательства благонадежности требовалось свидетельство местного буддийского храма, что данный человек является его прихожанином. С 1630-х годов храмовые списки составлялись только на территориях, находившихся под непосредственным управлением сёгуната (бакуфу), но с 1671 г. стали обязательными для всех княжеств. Храмовые списки составлялись каждый год (в Киото – дважды в год) вплоть до 1871 г., когда запрет на христианство был отменён. Составлением списков занимались местные власти (в деревне – старосты деревни, в городах – квартальные старосты), но на документе требовалась печать соответствующего храма. Один экземпляр направлялся в соответствующий бюрократический орган, другой оставался в месте его составления. Для составления списков использовались сведения, предоставляемые главой домохозяйства. В окончательном виде данные были представлены с разбивкой по домохозяйствам с указанием того, в каких отношениях (родственных, наемных) состоят с главой люди, проживающие в его домохозяйстве. Обычно фиксировался и возраст прихожанина. С середины периода Токугава в некоторых княжествах храмовые списки получили и хозяйственное измерение, когда стали фиксировать не только людей, но и доходность участка земли крестьянина, количество скота и т.д.

В настоящее время обнаружено несколько десятков храмовых списков. В подавляющем большинстве они хранились в семьях деревенских старост (видимо, «на всякий случай»). Сами власти по прошествии какого-то времени эти списки уничтожали. Кроме того, следует иметь в виду, что сохранность документов в деревнях была вообще принципиально лучше, ибо они не подвергались американским бомбардировкам во время Второй мировой войны. Храмовые списки составлялись и для самураев, но этих документов сохранилось крайне мало – в значительной степени потому, что они в подавляющем большинстве проживали в городах.

С точки зрения понимания демографической ситуации, храмовые списки имеют ряд недостатков. В особенности это касается уровня детской смертности и рождаемости. Детей обычно фиксировали с 8 лет (кое-где и с 15), так что дети, умершие до этого возраста (а детская смертность была очень высокой), храмовыми списками не учитывались. Их содержание могло различаться в зависимости от места составления. В одних случаях указывался только юридический статус того или иного человека из списочного состава семьи (а он мог быть занят отходничеством и длительное время не находиться в деревне), в других случаях фиксировалось фактическое население (в него попадали наёмные работники из других деревень).

Несмотря на ряд недостатков, храмовые списки представляют собой ценнейший источник по исторической демографии, ибо позволяют судить о процессах, происходивших на

микроуровне. Японские учёные провели ряд превосходных исследований нескольких деревень, данные по которым сохранились за длительный промежуток времени. Однако в ту эпоху существовали весьма серьёзные региональные различия. В наиболее общем виде применительно к демографии они были сформулированы Хаями Акира. Для северо-восточной Японии характерны ранние браки, малое количество детей, короткий репродуктивный период, семья из трёх-четырёх поколений, малая мобильность населения. В центральной Японии наблюдаются более поздние браки, большее количество детей, длинный репродуктивный период, семья в 2–3 поколения, бóльшая мобильность (связана с наличием крупных городов, поглощавших окрестных жителей). Юго-западная часть страны в демографическом отношении напоминала центральную, но ввиду меньшего количества городов там фиксируется меньшая мобильность [Хаями, 2009, с. 20].

Региональные различия касались не только демографической или экономической ситуации, они распространялись и на особенности психического склада населения в разных регионах [Родин С.А., 2020]. В связи с большими региональными отличиями данные case studies по отдельным деревням не могут быть экстраполированы на всю страну (а зачастую и на обширный регион). Тем не менее, они формируют определённые ориентиры, которые могут быть использованы в дальнейшей работе.

На основании тщательного анализа вышеуказанных источников японские демографы пришли к определённому консенсусу, который касается основных параметров динамики народонаселения: быстрый рост в XVII в., который после 1721 г. постепенно сменяется стагнацией, а затем и убылью со скоростью 0,07 % в год вплоть до 1792 г. После достижения «дна» население начинает медленно увеличиваться вплоть до 1846 г. (0,15 % в год). В абсолютных цифрах данные соответствующих переписей дают следующие результаты: 1721 г. – 26 млн 65 тыс. человек; 1792 г. – 24 млн 890 тыс.; 1846 г. – 26 млн 908 тыс.

За время проведения переписей наблюдается рост ожидаемой продолжительности жизни. Для крестьян и горожан (без учёта самураев и париев) он выглядит следующим образом: если в XVII в. он составлял от 25 до 30 лет, то для XVIII в. – до 35 лет, а для XIX в. – более 35 лет. Этот рост был обусловлено прежде всего ростом уровня жизни и улучшением бытовых условий [Кито, 2000, с. 94]. В материальном отношении это улучшение обеспечивалось повышением урожайности за счёт интенсификации ручного труда (поголовье тяглового скота всё время уменьшалось), усовершенствованием орудий труда, использованием улучшенного посевного материала, более тщательной обработкой почвы и интенсивным внесением удобрений (помимо традиционного «зелёного» удобрения в почву стали вносить сушёную рыбу). В результате удавалось получать урожаи риса сам-50 и даже больше – самые высокие в мире [Хаями, 2009, с. 60–61]. Широкое распространение получил сбор двух урожаев (после сбора риса поля засеивались другими культурами).

После 1846 г. общенациональных переписей не проводилось до 1872 г., и мы не имеем возможности судить, как менялась демографическая ситуация в этот период. Многие японские учёные склонны считать, что рост населения, начавшийся в конце XVIII в., имел долгосрочный характер и «заложил фундамент» для стремительного роста населения в период Мэйдзи [Кито, 2000, с. 86].

Последний вывод вряд ли может считаться окончательным. Действительно, данные переписей дают основания для вывода об определённом росте населения, однако заключение о его долговременности нуждается в дополнительных обоснованиях (если таковые вообще возможны). Отсутствие статистики по самураям, париям и айнам делает эту задачу ещё более трудновыполнимой. Мы придерживаемся мнения, что на протяжении XVIII – первой половины XIX в. кардинальных изменений в общей численности населения не происходило, то есть мы наблюдаем демографическое равновесие. Данные переписей о росте или убыли населения зачастую лежат в пределах статистической погрешности, принципиальных перемен в условиях жизни, которые могли бы существенно повлиять на рождаемость и смертность, не наблюдается. При этом следует помнить, что существовали как «депрессивные» регионы, так и такие, в которых население увеличивалось. Если поделить страну на три больших региона, то на северо-востоке оно уменьшалось, в центральной Японии оставалось стабильным, а на юго-западе росло. За время переписей население центральной Японии оставалось на уровне около 10,5 млн человек, на северо-востоке оно сократилось с 8 до 7 млн, а на юго-западе увеличилось с 7,5 до 9 млн человек [Хаями, 2009, с. 52, 120]. Если же говорить о ситуации в масштабах страны в целом, то она почти не менялась.

На вывод о долговременности тенденции роста населения с конца XVIII в. повлияло, как нам кажется, убеждение, что перед революцией Мэйдзи Япония уже достигла того уровня развития, который позволяет без всякого влияния извне перейти к индустриализации. За этим убеждением стоит, вероятно, подсознательная вера в то, что все общества неизбежно проходят одни и те же стадии развития. Не вдаваясь более глубоко в полемику по этой сложной проблеме, отметим несомненный факт, что именно в период Мэйдзи (точнее – во второй его половине) наблюдается стремительный рост населения.

Для сколько-то корректной интерпретации демографического подъёма следует сказать несколько слов об изменившейся методологии учёта населения. Если при сёгунате существовали социальные группы, которые не попадали под переписи, то теперь регистрации подлежали все жители Японии, включая младенцев. Теперь каждый из них получил фамилию (раньше крестьяне, парии и айны фамилий не имели) и был зарегистрирован в определённом домохозяйстве (косэки). Согласно переписи 1872 г., население Японии составило 33 млн 110 тыс. человек. Эта и все последующие переписи (вплоть до 1920 г.) плохо учитывали мигрантов, они основывались на данных домовых книг (составлялись на основе данных, предоставленных главой семьи), без прямого контакта с людьми. В связи с указанными обстоятельствами не все жители страны были учтены, и в первоначальные данные позднее были внесены поправки и стало считаться, что население Японии в 1872 г. составляло 34 млн 810 тыс. человек.

Несмотря на недостатки этой и следующих переписей, общий рост населения не вызывает сомнений. После гражданской войны, сопутствовавшей свержению сёгуната, и серии самурайских и крестьянских волнений 1870-х годов, страна вступила в период устойчивого демографического роста. Он был особенно заметен в крупных городах (Токио, Йокогама, Осака, Кобе) и северо-восточной Японии (там бурно развивалось ориентированное на экспорт шелководство, которое приносило больший доход, чем полеводство). В 1913 г. население Японии насчитывало уже 53 млн 362 тыс. человек.

Для понимания причин демографического взрыва периода Мэйдзи имеет смысл выяснить, продолжали ли «работать» в это время те факторы, которые влияли на стабильность демографической ситуации после 1721 г.

Голод

В XVIII – начале XIX в. в Японии наблюдалось существенное похолодание, что приводило к частым неурожаям. Обычно выделяют три самых крупных случая голода в период Токугава.

Голод 1733 г., случившийся в годы Кёхо, был вызван нашествием саранчи и холодами. Он поразил, в основном, Западную Японию, где в 46 княжествах собрали меньше половины обычного урожая. Однако благодаря активной помощи со стороны бакуфу (переброска продовольствия из других регионов) число погибших от голодной смерти оказалось сравнительно невелико.

Намного больший ущерб нанёс голод, случившийся в годы Тэммэй (1783–1786) в Восточной Японии. В 1783 г. произошло извержение вулкана Асама. Выбросы существенно загрязнили атмосферу, создавая преграду для солнечных лучей, и вызвали локальное похолодание. На сей раз правительственная помощь оказалась явно недостаточной, разразился голод, фиксировались случаи каннибализма. Считается, что непосредственно от голода погибло около 130 тыс. человек, а общее сокращение населения за неблагоприятные годы составило около 920 тыс. человек [Исии, 1991, с. 77].

Голод годов Тэмпо (1837–1839) случился из-за череды неурожаев, вызванных ливнями и холодами (особенно пострадал район Тохоку), на которые наложилась какая-то не идентифицированная инфекционная болезнь, сопровождавшаяся жаром и диареей. Она поражала по преимуществу горожан. В Осака она унесла около 10 % населения [Джэнсен, 2000, с. 225]. За пять лет голода и болезней население Японии сократилось на 1 млн 250 тыс. человек. Вышеприведённые цифры носят сугубо оценочный характер, но уменьшение почти на четверть рисового налога, которое получило центральное правительство [Кэмбридж, 1993, с. 119], свидетельствует о серьёзности положения.

Таким образом, природные катаклизмы и голод оказывали серьёзное влияние на демографическую ситуацию в период Токугава. Помимо прямых жертв, это сказывалось на уровне инфантицида. Кроме того, голод уменьшает сексуальную активность, предотвращает овуляцию, ведёт к повышенному количеству выкидышей, что не могло не сказываться на рождаемости.

Поскольку основной сельскохозяйственный налог (нэнгу) собирался рисом, крестьяне были вынуждены занимать под эту культуру большие площади – независимо от региона, где они проживали. Рис, безусловно, даёт в принципе бóльшие урожаи, чем другие сельскохозяйственные культуры, но поскольку он весьма чувствителен к температурным колебаниям, превращение его в подобие монокультуры тяжело сказывалось в холодные годы (особенно это касается района Тохоку). Кроме того, сравнительно небольшой срок хранения риса затруднял создание переходящих запасов. Раздробленность страны на княжества, слабое развитие колёсного транспорта (ввиду обилия горных ландшафтов) затрудняло быструю

переброску продовольствия в неблагополучные регионы. Для транспортировки рисового налога использовался речной и морской транспорт, но до пристаней и портов мешки с рисом доставлялись вьючными лошадьми или людьми. В последнем случае использовались двухколесные повозки или палка (мешок привязывался к средней части палки, которую несли два человека). В поисках спасения от голода крестьяне массово бежали в города, где создавались пункты питания, но их было недостаточно, а приток людей существенно усложнял санитарно-эпидемиологическую обстановку, что провоцировало власти на высылку пришельцев в деревню [Толстогузов С.А., 1999, с. 102–110].

В период Мэйдзи продовольственная проблема уже не стояла так остро. В середине XIX в. фиксируется окончание малого ледникового периода, что повлияло на улучшение урожайности. Налоги стали собираться деньгами, а не рисом, так что крестьяне продолжали выращивать рис только там, где это было экономически и климатически оправданно. При этом урожайность постоянно повышалась. Правительство стало поощрять выращивание менее зависимых от погодных условий культур: картофеля, тыквы, проса, гречихи. Определённое развитие получило скотоводство и производство молока. Источники питания диверсифицировались, зависимость от капризного домашнего риса уменьшилась. Япония перестала быть закрытой страной, а развитие железнодорожного и международного морского транспорта создавало возможности для быстрой доставки продовольствия из других стран (импорт риса осуществлялся из Китая, Кореи, Тайваня). Несмотря на сравнительно низкий уровень жизни японцев, проблема голода больше не оказывала непосредственного существенного влияния на демографическую ситуацию.

Инфантицид

Общепризнанно, что практика инфантицида (удушение, отлучение от материнской груди и т.д.) и искусственное стимулирование выкидышей (например, с помощью тяжелых физических нагрузок, приёма ледяных ванн или лекарств, вызывающих спазматическое сокращение матки) имели в Японии широкое распространение (в дальнейшем изложении мы будем употреблять термин инфантицид для обозначения убийства как рождённого ребенка – неонатид, так и умышленного избавления от плода). Особенно это касается северо-восточной Японии, где, согласно оценкам, в период Токугава инфантициду подвергалось около трети младенцев [Дрикслер, 2013, с. 2–4]. Избавление от нежеланных детей происходило только в первые дни после родов (до того, как ребенка относили в святилище и предьявляли богам) и обозначалось разными словами, но самым распространённым из них было «мабики» («прореживание» или «прополка»). Этот сельскохозяйственный по своему происхождению термин включает в себя как умышленные выкидыши, так и убийство новорождённых. Прибегавшие к «прополке» родители обычно объясняли своё поведение бедностью и невозможностью выкормить ребенка. При этом зачастую речь шла не об абсолютной, а относительной бедности: в рамках культуры *мабики* «прореживание» воспринималось как проявление ответственности за благополучие живых членов семьи – как детей, так и взрослых (стариков) [Фэррис, 2006, с. 247]. Имели место и другие соображения. Поскольку наследование осуществлялось в подавляющем большинстве случаев по мужской линии, среди жертв *мабики*

было больше девочек. Анализ новорождённых по половому признаку также показывает, что во многих случаях родители предпочитали чередование мальчиков и девочек. Существовало также мнение, что бесконтрольное размножение является признаком животного мира, а потому иметь много детей – «стыдно» [Дрикслер, 2013, с. 59–60]. Определённое влияние на инфантицид имело и представление о благоприятном и неблагоприятном времени для рождения. Например, существовало убеждение, что год огненной лошади (хиноэума) является неблагоприятным, что сказалось на числе рождений в соответствующие годы (резкое падение рождаемости фиксировалось ещё в 1966 г.).

В Европе инфантицид был мало распространён – прежде всего по религиозным соображениям. Детоубийство чаще всего применялось там по отношению к внебрачным детям. Первые миссионеры, посещавшие Японию в XVI – начале XVII в., подвергали это обыкновение суровой критике, однако сами носители культуры инфантицида не считали своё поведение девиантным, поскольку до предъявления младенца богам он ещё не считался «настоящим» человеком. Тем более это касается внутриутробного плода. Избавляясь от младенца, родители «возвращали» (каэсу) его богам, полагая, что он ещё вернется в мир людей в более благоприятное для него время.

В стране имелось и немало противников инфантицида (среди них было много как убеждённых буддистов, так и приверженцев конфуцианских ценностей), которые осуждали его за аморальность и обвиняли родителей в стремлении к роскошной жизни. О том, как понималась «роскошь» в то время, может свидетельствовать принятый в 1789 г. в княжестве Ёнэдзава (провинция Дэва, совр. преф. Ямагата) указ. Запрещая инфантицид, указ одновременно предписывал крестьянам отказаться от роскоши, что подразумевало: одеваться в заплатанную одежду, носить соломенные плащи и бамбуковые шляпы, не расставаться с серпом и мотыгой [Дрикслер, 2013, с. 117].

Усилия противников инфантицида имели лишь ограниченный успех. Исходя, прежде всего, из налоговых соображений, центральное правительство (бакуфу) запретило инфантицид в 1767 г. (повторный запрет датируется 1842 г.), но, как и многие другие распоряжения правительства, которое в условиях фактической децентрализации (федерализации) страны обладало весьма ограниченными полномочиями, исполнение этого указа оставляло желать лучшего и фактически ограничивалось пределами Эдо. В некоторых княжествах, где темпы сокращения населения были наиболее заметны (особенно это касается северо-востока), ввиду сокращения налоговых поступлений в конце XVIII в. были введены меры, препятствовавшие *мабики* и стимулировавшие рождаемость. К их числу относятся введение «журналов беременности» (по меньшей мере в 35 княжествах местные власти регистрировали беременных женщин, чтобы они не прибегали к «прореживанию») и выплата детских пособий (56 княжеств) [Дрикслер, 2013, с. 30]. В некоторых княжествах северо-восточной Японии главам многодетных крестьянских семей позволяли носить престижную (самурайскую) одежду, проводились и компании по привлечению невест из соседних регионов, поощрялось создание новых домохозяйств [Фэррис, 2013, с. 182].

С конца XVIII в. заметно увеличивается количество сочинений, в которых утверждается, что «прореживание» идёт вразрез с волей Неба и божеств. В этих трактатах плодovitость

населения временами увязывалась также с необходимостью обороны страны от предполагаемого иноземного вторжения. С конца XVIII в. усиливаются требования западных держав (включая Россию) «открыть» Японию для иностранцев, что воспринималось как прямая угроза режиму. Предполагалось, что для отпора нужна многочисленная армия. Особенно большую активность в обосновании необходимости увеличения населения проявляла нативистская школа «кокугаку». Один из её представителей, Судзуки Сигэтанэ (1812–1863), утверждал, что даже мощную крепость нельзя оборонить без солдат, а потому следует плодиться [Дрикслер, 2013, с. 193]. Идеологической основой кокугаку был рассказ о зарождении мира – синтоистский миф, что направляло мысль в сторону творительных потенций – как божеств, так и людей. Следует, однако, заметить, что школа «кокугаку» являлась в то время периферийным учением, официальной идеологией сёгуната было конфуцианство с его акцентом на сбережении того, что уже имеется. Синтоисты мыслили в масштабах всей страны, ибо исходили из презумпции, что вся Япония была создана божествами, но стиль правления сёгуната предполагал прежде всего фрагментацию общества и страны (на сословия и княжества), а не их единство.

Государство и общество Токугава были основаны на идее стабильности. Термины «развитие» или «прогресс» не входили в словарь эпохи. Не существует свидетельств того, что сёгунат стремился к увеличению населения. Его беспокойство вызывало лишь его сокращение, целью был возврат к «нормальной» ситуации. Во второй половине XVIII в. сёгунат действительно беспокоила депопуляция, но основную причину своего ухудшавшегося финансового положения он видел прежде всего в «роскошной» жизни людей. Отсюда – не прекращающиеся призывы к экономии и скромности. Не стремились власти и к увеличению своих доходов – крестьяне были обложены фиксированным налогом. Поскольку самураи получали фиксированный рисовый паёк, а производительность крестьянского труда медленно, но все-таки росла, имущественное положение правящего сословия со временем ухудшалось относительно других социальных групп (в особенности это касается торговцев и ремесленников). Однако это не приводило к повышению налогов.

Несомненно, что в условиях отсутствия сколько-то надежных противозачаточных средств «прореживание» означало своеобразный способ планировании семьи. Некоторые западные (а вслед за ними и японские) учёные даже посчитали, что поскольку такое планирование поддерживало сравнительно высокий уровень жизни и даже вело к накоплениям, то это в результате облегчило переход Японии к индустриализации и капитализму [Энг, 1976; Накамура, 1982]. Вряд ли это предположение можно считать обоснованным, поскольку в богатых семьях, которые впоследствии и стали предпринимателями, «прореживание» распространено не было. Сами же западные страны, где подобное «планирование семьи» не практиковалось (во всяком случае, в таких масштабах), осуществили индустриализацию без такого «планирования».

В западных странах, где аборт почти повсеместно запрещены, японская практика инфантицида подвергалась суровому осуждению. В мэйдзийской Японии инфантицид был запрещён, в 1882 г. был принят закон, запрещающий аборт. Однако крайне малое количество уголовных дел, заведённых против его нарушителей, свидетельствует о том, что он соблюдался

очень непоследовательно (к тому же и наказания за аборт были в Японии менее суровыми, чем на Западе). Принятие этого закона было обусловлено прежде всего желанием походить на Запад, к мнению которого тогдашняя Япония очень прислушивалась. Тем не менее, в обществе усиливалась нетерпимость по отношению к инфантициду, как к практике, недостойной «цивилизованного» государства. Играли роль и нативистские соображения, исходящие из того, что Япония является уникальным государством-семьёй, во главе которой стоит император. Получившая современное образование акушерка заявляла: раз император является главой всеяпонской семьи, то убийство любого маленького японца есть убийство ребенка самого императора [Тэрадзава, 2018, с. 158].

Тем не менее, инфантицид исчез далеко не сразу. Начиная с 1886 г. акушерки были обязаны сообщать обо всех случаях мертворождений. Их количество значительно превышало аналогичные европейские показатели. В Европе того времени нормальной являлась цифра в 3–4 %. В Японии в начале XX в. в трети префектур она превышала 10 %, что, несомненно, свидетельствует, что за этими цифрами прячется инфантицид [Дрикслер, 2013, с. 120]. Янагита Кунио (1875–1962), ставший впоследствии знаменитым этнологом, в детстве, во второй половине 1880-х годов, проживал у своего старшего брата, который занимался врачеванием в префектуре Ибараки, и наблюдал, как к тому часто обращались с просьбами выписать свидетельство о мертворожденном младенце, хотя на самом деле речь шла об инфантициде [Мещеряков А.Н. Остаться японцем..., с. 31]. Однако повышение жизненного уровня и общественные настроения делали инфантицид всё менее приемлемым средством планирования семьи и во втором-третьем десятилетиях XX в. он окончательно перестает влиять на демографическую ситуацию в целом.

Детская и материнская смертность

При сёгунате роды принимали повитухи, квалификация которых по современным стандартам оставляла желать лучшего. Поскольку роды ассоциировались с загрязнением (как физическим, так и ритуальным), среди повитух было много представительниц париев. Как и в западном мире того времени, низкий уровень медицины и гигиены приводили к высокой детской смертности во всех группах населения. Это касается даже сёгунского дома, где постоянно возникала проблема преемственности из-за отсутствия (ввиду ранней смерти) наследников. В хорошо исследованной деревне Нисидзё (пров. Мино в центральной Японии), где храмовые списки сохранились за период с 1773 по 1869 г., до 10 лет не доживало 37 % детей [Хамано, 2011, с. 58–59]. При таком уровне смертности (а также учитывая случаи бесплодия и безбрачия) для простого воспроизводства на брачную пару должно было приходиться 4,14 ребёнка [Кито, 2000, с. 151].

В период Токугава наблюдалась высокая материнская смертность при родах. Из-за этого в возрастном интервале между 21 и 45 годами женская смертность превышала мужскую. Во всех остальных возрастных группах она была меньше [Хамано, 2011, с. 61]. Если принять во внимание, что из-за «прореживания» гендерный баланс был нарушен изначально, высокая материнская смертность ещё более осложняла ситуацию. Практически все переписи фиксируют

существенное (7–8 %) превышение мужского населения над женским. Это было одной из причин, почему далеко не все мужчины имели возможность вступить в брак.

В период Мэйдзи наблюдается распространение европейской медицины, вводится институт дипломированных акушерок (1874 г.), однако эти нововведения имели ограниченный эффект и не оказали существенного влияния на уровень детской и материнской смертности. Младенческая смертность изменялась так: 1900 г. – 155 промилле, 1910 г. – 161,2, 1920 г. – 165,7, 1930 г. – 124,1 [Навата, 2006, с. 96]. Существенное падение младенческой смертности начинается только в середине 1920-х годов. При этом младенческая смертность в городах, где, казалось бы, лучшее медицинское обслуживание должно было бы принести свои результаты, оставалась более высокой, чем в деревне, до 1928 г. [Симидзу, 1978, с. 59–60].

Материнская смертность явно снижается в период Мэйдзи. Об этом косвенно свидетельствуют данные по мужской и женской продолжительности жизни: в конце XIX – начале XX в. женщины впервые в истории стали жить немного дольше мужчин – свидетельство того, что материнская смертность перестала оказывать значительное влияние на продолжительность жизни. Данные по материнской смертности для 1920-х годов показывают сравнительно низкий уровень (33,3 на 10 000 рождений) [Симидзу, 1978, с. 64].

Болезни

Минимальное количество контактов с материком защищало токугавскую Японию от распространения многих эпидемических заболеваний. Тем не менее, положение было далеко от идеального. Оспа, корь и дизентерия были обыденным явлением. Наибольший ущерб наносили желудочно-кишечные и остро-респираторные заболевания. В связи с этим смертность значительно повышалась летом и зимой [Кито, 2000, с. 164]. Сезонные всплески болезней обладали большой инерционностью, смягчение ситуации наступило только в период Сёва.

В период Мэйдзи возросшая мобильность населения способствовала стремительному распространению инфекционных заболеваний. Бурный рост городского населения, сопровождавшийся скученностью и антисанитарией, ухудшал ситуацию. Введение всеобщей воинской повинности, то есть концентрация молодых людей в ограниченном казарменном пространстве, ещё больше усугубляло положение. Водопровод и канализация почти повсеместно отсутствовали. Фекалии продолжали употребляться в качестве удобрения. Мыло получает широкое распространение только в первое десятилетие XX в.

Начавшиеся контакты с миром имели крайне противоречивые последствия для здоровья японцев. С одной стороны, стали распространяться европейские медицинские достижения, но с другой, страна стала открытой для новых болезней [Мещеряков А.Н. Жить японцем..., с. 179–186]. Наибольшее количество смертей вызывали холерные эпидемии, которые были неизвестны в токугавской Японии. В некоторые годы (1858, 1877–1879, 1887–1888) число умерших составляло около 100 тыс. человек.

Сифилис был занесён в Японию ещё первой волной европейцев в XVI–XVII веках, но действительно широкое распространение получил только во второй половине XIX в. после открытия портов: иностранные моряки придерживались в Японии того образа жизни, к которому

привыкли. Смертность от сифилиса в 1911 г. составляла 9,6 промилле, превышая показатели по брюшному тифу (7,3) и дизентерии (6,6) [Симмура, 2006, с. 246–247].

Туберкулез встречался и в токугавской Японии, но в период Мэйдзи наблюдается его стремительное распространение. И из-за того, что его заносили с Запада, и из-за бурного роста городов. В то время туберкулез лечить не умели, а высококалорийная белковая диета, которой советовали придерживаться европейские врачи, была в Японии малодоступна. Наряду с другими лёгочными заболеваниями, туберкулез устойчиво занимал первое место в качестве причины смертности (такая ситуация сохранялась вплоть до 1950-х годов).

В период модернизации новый толчок получила болезнь бери-бери (яп. *каккэ*), вызванная недостатком витамина В1 (тиамина). Тиамин содержится в рисовой шелухе. Белый рис, считавшийся престижным продуктом питания, в период Токугава потребляли, в основном, самураи и состоятельные горожане, поэтому раньше от этой болезни мало страдали деревенские жители. Теперь как белый рис, так и бери-бери получили распространение во всех сферах общества, привлекательность армии для призывников заключалась, в частности, в том, что основу армейского рациона составлял рис. На Западе дефицит тиамина восполнялся за счёт потребления хлеба, мяса и молока, но в Японии, несмотря на стремительный «прогресс», эти продукты имели ограниченное распространение. В 1878 г. количество военных в императорской армии, больных *каккэ*, составляло треть личного состава. За время японско-русской войны болезнь унесла жизни 5700 военнослужащих (при общих потерях в боевых действиях приблизительно в 70 тысяч человек). Причины бери-бери не были выявлены до 1911 г. Только после этого ситуация стала улучшаться.

К концу периода Мэйдзи некоторые инфекционные болезни перестали быть серьёзной проблемой. Однако это относится далеко не ко всем из них. Влияние других факторов, оказывавших серьёзное влияние на здоровье нации и продолжительность жизни (городская антисанитария, плохое качество воды и жилищных условий), тоже было велико.

В период Мэйдзи были предприняты серьёзные усилия по оздоровлению нации: готовились образованные на западный лад врачи, строились больницы, вводились прививки. Однако задача по увеличению населения не ставилась ни правительством, ни обществом. Иными словами, речь шла скорее о качестве населения, чем о его количестве. В понятие «качество» входила как забота о физическом состоянии японцев, так и о формировании у них новой картины мира, которая соответствовала бы «современным» условиям. Прежде всего, это касается воспитания патриотизма и верности императору. В дискурсе того времени обсуждение способов достижения этой цели занимает огромное место. Но если в решении второй задачи были достигнуты большие успехи, то вряд ли это можно сказать о первой. Средняя ожидаемая продолжительность росла незначительно и составляла в 1891 г. 42,8 года у мужчин и 44,3 года у женщин. Её медленный рост был приостановлен в результате эпидемии «испанки» (унесла около 450 тыс. жизней) и катастрофического землетрясения 1923 г. (около 100 тыс. жертв). В результате этих напастей продолжительность жизни упала несколько ниже уровня 1891 г. Таким образом, продолжительность жизни долгое время не оказывала существенного влияния на рост численности населения. Тем не менее, усилия в области здравоохранения и улучшения

бытовых условий станут приносить плоды в обозримом будущем. Устойчивый рост продолжительности жизни начался во второй половине 1920-х годов.

Коэффициент брачности

Считается, что этот показатель был в токугавской Японии выше, чем в Европе. Большинство взрослого населения той Японии состояло в брачных отношениях. Коэффициент брачности в Японии XVII в. значительно увеличился по сравнению с прошлым периодом. Тем не менее, в брак вступали далеко не все. Наследование, как правило, осуществлялось старшим сыном. В большинстве случаев это происходило ещё до смерти отца. Поскольку земельные участки были невелики, участок обычно не дробился. В этих условиях не только дочери, но и младшие сыновья не получали наследства. Вышедшие замуж дочери переселялись в дом мужа, а младшие сыновья часто оставались в родительском доме, права на который отходили старшему сыну. Они трудились на его поле и подчинялись ему. Среди младших сыновей коэффициент брачности был весьма низок. Если они и вступали в брак, то поздно, что сокращало репродуктивный период. Это касается прежде всего бедняков, но их было большинство. В более богатых семьях младшим сыновьям позволяли основать собственную «боковую семью» (бункэ), но, тем не менее, существовавший порядок не давал возможности для многих мужчин создать свою семью и принести потомство. Данные по деревне Нисидзэ показывают, что в XVIII в. около 10 % мужчин и женщин никогда не вступали в брак [Хамано, 2011, с. 38–39]. Для Восточной Японии эта цифра составляла для мужчин 25 % [Фэррис 2006. с. 181]. В городах с их дефицитом женского населения данный показатель находился на ещё более низком уровне. Иными словами, для увеличения коэффициента брачности существовал значительный потенциал.

Значительное влияние на рождаемость оказывало и большое количество разводов. Брак не считался таинством и не имел отношения к религии. Заключение брака и его расторжение имело уведомительный характер (местным властям подавалось заявление) и не сопровождалось имущественными спорами (жена возвращалась в родительский дом). Особенно большое количество разводов случалось в первые пять лет супружеской жизни [Хамано, 2011, с. 43]. При этом муж обычно предоставлял жене письменное разрешение на повторный брак. Повторные браки фиксировались достаточно часто – у почти 80 % разведённых [Кито, 2000, с. 130]. Тем не менее, какая-то часть населения всё равно выпадала из репродуктивной базы.

В период Мэйдзи мы наблюдаем, как многие традиции уходят в прошлое. Это касается и брачных обыкновений. Данные за 1886 г. свидетельствуют, что коэффициент брачности составлял чуть менее 80 % [Хаями, 2009, с. 349–350]. В конце периода Мэйдзи он возрос до 97–98 % [Хамано, 2011, с. 37]. Таким образом, практически всё взрослое население Японии стало вступать в брачные отношения, предполагавшие принесение потомства. Повышению брачности способствовали отмена сословий и кардинальное ослабление социальных барьеров, значительно возросшая свобода в общении и передвижении, что давало возможность более результативного поиска брачного партнера. Общий дух перемен создавал возможность для ломки привычных стереотипов поведения. Принцип примогенитуры сохранял свою значимость, но младшие потомки (как мужчины, так и женщины) в связи с ростом урбанизации получили

возможность прочно осесть в городе. Наблюдавшийся в токугавских городах гендерный дисбаланс существенно уменьшился (хотя превышение мужского населения над женским сохранялось до 1937 г.). Экономическое развитие и повышение жизненного уровня позволяло большему количеству людей вступать в брак и заводить детей.

В процессе повышения коэффициента брачности значительную роль играла и идеологическая составляющая: настойчивая пропаганда представляла семью как основу сильного государства, во главе которого стоит император. Он позиционировался как отец всех японцев, а они – как его дети. Вступая в брак и создавая «крепкую» семью, человек ощущал, что делает полезное государственно-патриотическое дело. Это же убеждение сказывалось и на существенном сокращении количества разводов: если в 1889 г. оно составляло 3,39 промилле, то в 1899 г. оно упало до 1,53 и имело тенденцию к уменьшению. Если Запад в условиях неуклонного ослабления религиозных установок демонстрирует положительную динамику разводов, то в Японии наблюдается совсем другая картина. При этом религиозные ценности не имели никакого значения: подражая идеальному («книжному») Западу, японцы начинают считать пожизненную моногамию признаком чаемой ими «цивилизованности». Идею моногамности привнёс в общественный дискурс будущий министр просвещения Мори Аринори (1847–1889) в серии публикаций в журнале «Мэйроку дзасси», эта идея нашла поддержку даже в правящем доме. Император Мэйдзи был последним императором, который обладал наложницами (его сын, император Тайсё, был рождён именно от наложницы), но, тем не менее, желая подать подданным пример цивилизованности и постоянства, пышно отпраздновал в 1894 г. серебряную свадьбу. Сам Тайсё состоял уже в настоящем моногамном браке, что всячески подчёркивалось средствами информации. Вклад идеологии в демографические процессы не поддаётся точному измерению. Тем не менее, мы должны констатировать, что податливость японцев по отношению к пропаганде была очень высокой. Решительное сокращение количества разводов объясняется прежде всего воздействием пропаганды, включавшей в себя школьное обучение. Пропаганда оказалась более эффективной, чем закон: гражданский кодекс 1898 г. позволял женщине быть инициатором развода, которым она в результате не пользовалась. Мужчины поступали так же. Гражданский кодекс закреплял власть главы дома над его членами (он мог исключить любого из семейного реестра) и признавал наследником дома только старшего сына (раньше могли быть и исключения), в качестве которого мог выступать и приёмный ребенок.

Со второй половины периода Мэйдзи постоянно проводилась настойчивая пропаганда образцовой женщины – «хорошая жена и мудрая мать» (рёсай кэмбо). Эта концепция предполагала, что женщина не участвует в общественном производстве, но является «хранительницей очага», посвящая всё своё время семье и дому. С одной стороны, эта конструкция предполагала «служение» и являлась наследием самурайской семьи. С другой, под «хорошей женой» подразумевались более партнёрские, более «западные» отношения между супругами. Западные воспитательные идеи сказались и в большей роли матери в деле образования детей. По своей сути это была идеальная жена самурая эпохи Токугава, но теперь этот идеал распространялся на всю Японию (на практике, в первую очередь, на городскую и сравнительно обеспеченную Японию). Таким образом, в качестве неотъемлемой функции каждой женщины

выступало деторождение. Следует при этом отметить, что обсуждению подлежали качественные характеристики семейных отношений, вопрос о количестве детей не обсуждался.

Точная численность буддийских монахов при режиме Токугава неизвестна, некоторые исследователи считают, что их насчитывалось 200–250 тыс. [Хё Намлин, 2005, с. 175–186]. Далеко не все из них соблюдали обет безбрачия, а в самой распространенной школе Дзёдо Синсю должность настоятеля храма превратилась в наследственную, но, тем не менее, значительная часть буддийского духовенства не состояла в брачных отношениях. В период Мэйдзи наблюдается массовое возвращение монахов к светской жизни, что тоже увеличивало брачную и, следовательно, репродуктивную базу.

Таким образом, повышению брачности способствовало множество факторов. При этом количество потомства, приходящегося на брачную пару, несмотря на некоторое повышение брачного возраста [Нитта, 2003], оставалось таким же, как и в конце периода Токугава – около пяти детей. Но поскольку потомство теперь приносили почти все японки, а детская смертность оставалась на неизменном уровне, это создавало возможность для быстрого роста населения.

Несмотря на усилия правительства по оздоровлению населения, продолжительность жизни увеличивалась мало, смертность не снижалась. В 1873 г. показатель смертности составлял 19,6 промилле, а в 1912 г. – 19,9. За тот же самый период рождаемость выросла с 24,1 промилле до 33,3 промилле [Симидзу, 1978, р. 54–55]. Прирост населения в период Мэйдзи осуществлялся, главным образом, за счёт роста рождаемости, который являлся следствием прежде всего повышения коэффициента брачности.

Таким образом, увеличение коэффициента брачности сыграло ведущую роль в демографическом буме периода Мэйдзи, на что раньше не обращалось достаточного внимания. Однако поскольку за это время брачность приблизилась к 100 %, а количество детей в моногамной семье с середины 1920-х гг. имело устойчивую тенденцию к уменьшению, этот потенциал для роста населения был уже исчерпан, и рост населения стал обеспечиваться за счёт демографической инерции, увеличения продолжительности жизни и снижения смертности.

* * *

Теория демографической модернизации говорит о том, что «традиционный» способ воспроизводства населения (высокая смертность и высокая рождаемость) при переходе к индустриальному обществу сменяется «современным» (низкая смертность и низкая рождаемость). Насколько вписывается Япония в эту закономерность? Классическое (общепринятое) понимание этого процесса выглядит следующим образом: «Замена традиционного типа воспроизводства современным происходит не мгновенно. Она начинается со снижения смертности, которое и приводит к нарушению исторически сложившегося равновесия... Большинство обществ, вступающих на путь эпидемиологической революции и снижения смертности, переживают переходный период, когда смертность уменьшается, а рождаемость ещё остается высокой. Это приводит к увеличению естественного прироста и ускорению роста населения, получившему название “демографического взрыва”» [Вишневский, с. 259].

Как было показано выше, японский исторический опыт свидетельствует, что эта теория, разработанная прежде всего на европейском материале, оказывается применима к Японии лишь с существенными оговорками: значимый рост населения начинается во вторую половину периода Мэйдзи в условиях, когда уровень смертности ещё не падает. Он начинает опускаться только со второй половины 1920-х годов, то есть рост рождаемости **предшествовал** уменьшению смертности. Только после этого мы наблюдаем синхронное понижение как смертности, так и рождаемости. Таким образом, в течение почти полувека японская практика «игнорировала» западную теорию. Может быть, потому, что она ещё не была разработана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вишневецкий А.Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020.

Мещеряков А.Н. Жить японцем. СПб.: Петербургское востоковедение, 2020.

Родин С.А. Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» // Вопросы философии, 2020, № 1.

Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX века и реформы годов Тэмпо. М., 1999.

Филиппов А.В. Финансово-экономические аспекты реформ Кёхо. – История и культура традиционной Японии 3 // *Orientalia et Classica*. Выпуск XXXII. Труды Института восточных культур и античности. Российский государственный гуманитарный университет. М.: 2010.

REFERENCES

Filippov, A.V. (2010). *Finansovo-ekonomicheskie aspekty reform Kekho* [Financial and Economic Aspects of the Kyōhō Era Reforms]. In *Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii 3* [History and Culture of Traditional Japan 3]. *Orientalia et Classica*. Issue XXXII. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Russian State University for the Humanities. Moscow. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat'sya yaponcem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2020). *Zhit' yaponcem* [Living as a Japanese]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Rodin, S.A. (2020). *Predstavleniya o vliyaniy prirodnnykh uslovii sredy obitaniya na formirovanie kharaktera cheloveka v Yaponii: analiz soderzhaniya i bytovaniya tekstov «Dzinkokuki» i «Sin dzinkokuki»* [Conceptualizations of Natural Habitats' Influence on the Formation of the People's Character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* Texts' and Studies' Analysis]. *Voprosy filosofii*, 1. (In Russian).

Tolstoguzov, S.A. (1999). *Segunat Tokugava v pervoi polovine XIX veka i reformy godov Tempo* [The Tokugawa Shogunate in the First Half of the 19th Century and the Tempō Era Reforms]. Moscow. (In Russian).

Vishnevskii, A.G. (2019). *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya* [Demographic History and Demographic Theory]. Moscow: Izdatel'skii dom Vyssei shkoly ekonomiki. (In Russian).

* * *

Drixler, F. (2013). *Mabiki: Infanticide and Population Growth in Eastern Japan, 1660–1950*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Eng, R.Y., & Smith, T. C. (1976). Peasant Families and Population Control in Eighteenth-Century Japan. *Journal of Interdisciplinary History*, 3.

Farris, W.W. (2006). *Japan's Medieval Population: Famine, Fertility, and Warfare in a Transformative Age*. University of Hawaii Press.

Hamano Kiyoshi. (2011). *Rekishi jinkōgaku-de yomu Edo jidai* [Edo Period from the Perspective of Historical Demography]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Hayami Akira. (2009). *Population, Family and Society in Pre-Modern Japan*. Folkerstone: Global Oriental.

Hur Nam-lin. (2005). Anti-Christianity and Funerary Buddhism in Tokugawa Japan. *Chonggyo wa munhwa* [Religion and Culture], 11.

Ishii Kanji. (1991). *Nihon keizaishi* [History of Japanese Economy]: Vol. 1. Tokyo: Tōkyō daigaku shuppankai. (In Japanese).

Jansen, M.B. (2000). *The Making of Modern Japan*. London: Harvard University Press.

Jansen, M.B. (Ed.). (1993). *The Cambridge History of Japan: Vol. 5*. Cambridge University Press.

Kito Hiroshi. (2000). *Jinkō kara yomu Nihon -no rekishi* [Demographic Aspects of Japanese History]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Nakamura, J.I. & Miyamoto Matao. (1982). Social Structure and Population Change: A Comparative Study of Tokugawa Japan and Ch'ing China. *Economic Development and Cultural Change*, 30(2).

Nawata Yasumitsu. (2006). Rekishiteki-ni mita Nihon-no jinkō to kazozku [Historical Aspect of Japanese Population and Family]. *Rippō to chōsa*, 260. (In Japanese).

Nitta Tokiya. (2003). Waga kuni Meijiki -ni okeru jinkō zōka -no chiikisa -ni kansuru sūriteki bunseki [Statistical Analysis of Regional Features of Demographic Growth in Meiji Period Japan]. *Journal of the School of Marine Science and Technology*, 1. (In Japanese).

Olschleger, H.D. (2008). Fertility and Mortality, in *The Demographic Challenge: A Handbook about Japan*. Leiden, Boston: Brill.

Shimizu Katsuyoshi. (1978). Shōwa shoki -no kōshū eisei -ni tsuite [On Public Hygiene in the Showa Period]. *Minzoku Eisei*, 2. (In Japanese).

Shinmura Taku. (2006). *Nihon iryō shi* [History of Japanese Medicine]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Terazawa Yuki. (2018). *Knowledge, Power and Women's Reproductive Health in Japan, 1690–1945*. Hemsread: Palgrave Macmillan.

Поступила в редакцию 22.12.2020

Received 22 December 2020